

ОБ ОХОТЕ В ЛАПЛАНДИИ

писав в предыдущих главах одежду и пищу лопарей, перейдем теперь к основным их занятиям. Все они могут быть разделены на две большие группы: обычные, повседневные занятия, и специальные, исключительные, совершающиеся в особо торжественной обстановке. В свою очередь, некоторые из повседневных занятий свойственны одним лишь мужчинам, другие только женщинам и, наконец, третьи в одинаковой мере присвоены тем и другим.

В числе исключительно мужских занятий на первом месте должна быть поставлена охота, от которой женщины совершенно отстранены. "Женщины работают у них наравне с мужчинами, им запрещается лишь занятие охотой", – говорит Торней.

У Олафа Магнуса, однако, можно прочесть совершенно обратное: "В лесах Крайнего Севера водится такое множество диких зверей и дичи, что одним мужчинам не хватило бы сил справиться с ними. Поэтому женщины приходят к ним на помощь и охотятся наравне с мужчинами, а иногда даже с еще большей ловкостью". Как и все ошибочные сообщения, оно, несомненно, основано не на личном наблюдении автора, не на достоверных показаниях бывалых людей, а на ложном истолковании старинных писателей, подавивших его своим авторитетом.

Источник этого заблуждения заключается в словах Проккопия из "Истории готов", относящихся к скритофиннам: "У них мужчины, не обрабатывают полей, женщины не знают домашних рукоделий, одна охота составляет главное занятие тех и других". Или у Тацита в его "Германии", где говорится о финнах: "Охотой добывают средства к существованию и мужчины и женщины: они отправляются вместе и каждый имеет свою часть в добыче".

Не вдаваясь в подробности о том, верно это по отношению к финнам и скритофиннам или нет, скажем только, что про лопарей мы знаем достоверно, как строго запрещают они женщинам не только охотиться, но даже и прикасаться к охотничьим принадлежностям или к убитым на охоте животным и входить через заднюю дверь, предназначенную для охотников.

Кроме того, с охотой у лопарей связано вообще множество всевозможных предрассудков и примет. Прежде всего, они верят в счастливые и несчастные дни. Таковыми днями, гибельными для охоты, кроме некоторых других, они считают особенно день св. Марка, известный у них под названием *Cantepaiwe*, и св. Климента, о чем сообщает, например, Самуил Реен: "Некоторые дни слышат у них несчастными для охоты, как, например, Катеринин день, день св. Марка "*Cantepaiwe*" и св. Климента.

В эти дни никто из лопарей не охотится, т.к. в противном случае, по распространенному среди них поверью, в течение целого года его будет преследовать неудача в охоте или с ним приключится какая-нибудь на-

пасть, например поломка лука и т.п.". Во-вторых, лопари не приступают к охоте, не справившись о воле божества при помощи лопарского барабана, на поверхности которого для этой цели сделаны изображения всевозможных животных.

В-третьих, отправляясь на охоту, они выходят из шалаша не через главную входную дверь, а через маленькую заднюю, называемую у них "*passe*". Это делается, вероятно, для того, чтобы избежать встречи с женщинами, которые, по их поверью, приносят охотнику неудачу. Этот же предрассудок является одной из причин, почему женщины не допускаются на зады жилища, куда выходит вышеупомянутая дверь, как только что объяснил мне наш упсальский студент Олаф Маттисен, лопарь по происхождению.

Довольно темно и расплывчато выражено это у Циглера: "Женщине не позволено выходить из шалаша через ту дверь, через которую в этот день мужчина отправился на охоту". Не только в "этот день", а никогда не дозволяется ходить через специальную дверь, которая предназначена для охотников. Все эти правила должны соблюдаться перед началом охоты. Дальнейший порядок ее зависит от времени года и вида дикого зверя, на которого собираются охотиться.

Летом охотник пешком порядком преследует дичь вместе со своей охотничьей собакой. У лопарей много хороших собак, приученных не только выслеживать дичь, но и нападать на нее. С этой целью они постоянно держат их на привязи возле шалаша.

Зимой охотники выслеживают на снегу следы зверей и настигают их, со страшной быстротой двигаясь на прилаженных к ногам лыжах. "Лопари гоняются за дикими зверями, – пишет Олаф Магнус, – приладив к ногам узкие доски (лыжи), при помощи которых они с необычайной легкостью и быстротой скользят по занесенным снегами равнинам, замерзшим болотам и даже горным вершинам. На мелких животных они охотятся с луком и стрелами, на крупных выходят с копьями и пищалями (*bombarda*)".

Охота на каждого зверя имеет свою особенность, так, например, горностаев они ловят обыкновенно в западни, напоминающие обыкновенные мышеловки. "Горностаев, – читаем мы у того же Олафа Магнуса, – лопари ловят в западню, устроенную так, что над входом в нее на тоненькой бечевке держится поперечный брусочек, который от малейшего прикосновения забегавших в западню горностаев (они ходят стайками в две, три, а то и до восьми штук) стремительно падает и замыкает выход". Иногда их травят собаками, которые, по словам того же Магнуса, настолько быстры, что настигают зверьков и давят их без особых затруднений.

На белок охотятся главным образом с дротиками,

конец которых вместо обычного острия несколько при-
туплён, чтобы не попортить шкурку.

Подобным же способом убивают и других ценных
пушных зверей. "Куниц, соболей и белок лопари бьют
особыми деревянными стрелами с тяжелым и тупым
наконечником", – пишет Олаф Магнус. В некоторых слу-
чаях куниц, так же как и лисиц, бобров и т.п., убивают
обыкновенными стрелами с острыми железными наконеч-
никами, но при этом, как и во всех случаях, когда желают
сохранить в целостности ценный мех, так ловко направляют
удар, что мех при этом вовсе не страдает.

В этом отношении мастерству и меткости лопарей
удивлялся еще Герберштейн: "Они мастерски владеют
луком, что в особенности заметно во время охоты на цен-
ных пушных зверей. Все они так ловко и метко посыла-
ют стрелы, что мех зверя остается совершенно непов-
режденным".

Лисиц также часто ловят в ямы, прикрытые сверху
хворостом и замаскированные сне-
гом, или же капканами, расставлен-
ными в таких местах, где они обык-
новенно появляются. Иногда
пользуются также отравой, подме-
шанной к приманке. Для пригото-
вления отравы лопарям служит осо-
бый вид мух, о котором я буду гово-
рить ниже.

Зайцев ловят силками, подвя-
занными к веточкам кустарников,
так же и других мелких животных.
По этому поводу нелишне будет при-
вести слова Иоанна Торнея о суще-
ствующем у лопарей обычае не
брать зверя, попавшегося в чужой
силки, а отдавать его владельцу сил-
ка.

Перейдем теперь к крупным
хищникам. Волков так же, как и в
других странах, загоняют в волчьи
ямы, но нередко убивают и свинцо-
выми пулками из пищали.

С волками лопарям постоянно
приходится вести упорную борьбу,
т.к. громадные волчьи стаи причиняют немалый ущерб
их стадам. Олаф Магнус говорит о капканах, раздробля-
ющих волкам лапы в тот момент, когда они набрасывают
на положенную около них пищу.

Почти теми же приемами лопари пользуются и при
охоте на рысей и росомах. Об этих последних Олаф Маг-
нус сообщает любопытные подробности: "Когда прожор-
ливая росомаха испражняется, протискиваясь с туго на-
битым брюхом между двумя деревьями, охотники ловко
поражают ее стрелами.

Иногда прибегают и к другому способу: прилажива-
ют петлю к двум согнутым веткам так, что просунувшая-
ся в нее росомаха неосторожным движением затягивает
ее и удавливается петлей. Кроме того, их ловят иногда в
ямы, прикрытые сверху ветками".

В наше время лопари чаще пользуются для этой цели
пищальями (мушкетями), из которых убивают также и ло-
сей, хотя за последнее время лоси в Лапландии встреча-
ются все реже и реже. Но ни на одного зверя лопари не

охотятся с таким упорством и охотою, как на дикого оле-
ня и медведя. "Диких оленей, – пишет Самуил Реен, – они
ловят силками, убивают камнями, стрелами, пулями пи-
щалей".

На оленей охотятся главным образом осенью и вес-
ной. Осенью, во время спаривания оленей, лопари прибе-
гают иногда к хитрости, подставляя оленью самку из при-
рученных домашних животных, самец – дикий олень ки-
дается на нее, а в это время охотник убивает его. "Диких
оленей осенью ловят при помощи самки, – пишет Иоанн
Торней, – которая заманивает дикого самца на рассто-
яние выстрела к спрятавшемуся охотнику". То же расска-
зывает и Самуил Реен: "Осенью, около Матвеева дня (21
сентября. – Прим. ред.), когда наступает время случки,
лопари привязывают самок домашних оленей в тех мес-
тах, где, по их сведениям, бродят дикие олени, и сами пря-
чутся поблизости. Когда дикий самец приблизится к сам-
ке, они убивают его из засады из лука или из пищали".

Во время весенней охоты, когда
повсюду еще лежат глубокие рыхлые
снега, в которых олени вязнут, лопари
пользуются своим пре-
имуществом, настигая их на лыжах.
Иногда они загоняют оленей собаками
в силки или же в особые, спле-
тенные из ветвей и кольев загоны,
охватывающие со всех сторон значи-
тельный участок леса, в которые по-
падает иногда целое стадо. Так охо-
тятся лопари на оленей.

Другой серьезнейшей и опасной
охотой является охота на медведя.
Она обставлена у лопарей опреде-
ленным ритуалом и связана со мно-
жеством примет, предрассудков и
поверий. Еще осенью выслеживают
охотники медвежье логово и заме-
чают место, где он залегает на зиму.
Про человека, получившего эти све-
дения, говорят hafwa ringet bioern,
т.е. "он обошел медведя", и во вре-
мя предстоящей охоты он является
руководителем, которому должны

подчиняться все остальные. "Лопарь, выследивший мед-
вежью берлогу, – пишет автор одной анонимной рукопи-
си, – о котором говорят, что он обошел медведя, т.е. еще
осенью, когда ложится первый снег, высмотрел следы зве-
ря, должен идти впереди всех, когда охотники выйдут на
медведя". Этот следопыт после своей первоначальной раз-
ведки, обыкновенно ликуя, является к своим друзьям и
родственникам и приглашает их на предстоящую охоту,
как на какое-нибудь торжественное празднество или на
пир, потому, вероятно, что медвежатина и на самом деле
считается у лопарей изысканнейшим лакомством.

Сама охота происходит, обыкновенно, не раньше мар-
та или апреля, когда снега еще достаточно глубоки и осо-
бенно удобны для бега на лыжах.

Олаф Петерсон, рассказав о выслеживании зверя в
октябре, замечает: "Только лишь в марте или в апреле,
когда лежит всюду глубокий снег, по которому удобно
ходить на лыжах, подымают зверя из берлоги, натравли-
вая на него охотничьих собак".

После приглашения принять участие в охоте на медведя выбирают человека, который искуснее других умеет гадать на лопарском барабане, и при его содействии пытаются узнать все, что только возможно о предстоящей охоте. Получив ответ на свои вопросы и благоприятные предсказания, выходят в лес на охоту, шествуя в определенном порядке, как солдаты в цепи.

Впереди всех идет лопарь, первым открывший медвежью берлогу, все его оружие заключается в палке, к которой привязано медное кольцо, за ним следует тот человек, который гадал на барабане, далее охотник, которому поручено первому нанести удар медведю и, наконец, за ним все остальные в таком же строгом порядке. На каждого из них возложена какая-нибудь определенная роль – один должен зажарить мясо убитого зверя, другой разрезать его на части, третий принести дрова и воду, необходимые для варки и т.д. При этом строго следят за тем, чтобы никто не вторгнулся в область, порученную другому, а с точностью выполнял возложенные на него обязанности. Приблизившись в таком порядке к медвежьей берлоге, они смело нападают на медведя и поражают его копьями и пулями из пищалей.

Убив медведя, все хором поют приновленную к этому случаю победную песню, слова которой приводятся в анонимной рукописи: "Убив медведя, поют сначала такую песню: "Kittulis pourra, kittulis iiskada, soubi jaella Zaiiti". Этими словами они благодарят убитого медведя за то, что он не причинил им ничего дурного, не поломал их рогатин и копий, с которыми они на него напали, и объявляют, что приход его был им приятен". Запевалой этой песни, а также и всех других, приновленных к этому случаю, должен быть всегда тот человек, который первым выследил медведя и шел впереди охотников с деревянной рогатиной и медным кольцом на ней.

Отпраздновав таким образом победу, вытаскивают медведя из берлоги и бьют его при этом палками, затем взваливают его на сани и на олени везут его в тот шалаш, где предполагается устроить пирушку.

Все участники охоты следуют за санями и, ликуя, поют следующую песню: "Ii raha talki oggio, ii raha talki phaonis", т.е., как говорит анонимный автор, молят медведя, чтобы он не насылал непогоды или каких-нибудь бедствий на тех, кто убивал его.

Все это говорится, вероятно, в шутку, как и поздравление медведя с приходом, хотя, впрочем, многие из лопарей считают, что убийство зверя может иногда принести несчастье охотнику. Самуил Реен вкладывает другое содержание в победную песнь: "Убив медведя, они начинают петь песню, в которой благодарят Бога, создавшего для них диких зверей и даровавшего им силы и мужество справиться с таким громадным и страшным зверем". Мне кажется, однако, что обе эти песни не исключают друг друга и может быть иногда поются даже вместе.

Оленем, который вез тушу медведя, запрещается после этого пользоваться женщинам в течение целого года, да и вообще он долгое время не употребляется для перевозки чего-либо другого. Анонимный автор утверждает, что не только женщинам, но и кому бы то ни было другому в течение целого года запрещается возить что-нибудь на этом олени.

Часто на том же самом месте, где был убит медведь, спешно строят шалаш, в котором и варят разрубленную

тушу, содрав с нее шкуру. Если на этом месте трудно добыть нужный для постройки материал, то шалаш строят в другом, более удобном месте. Вскоре туда сбегаются жены охотников, с большим волнением ожидавшие исхода охоты. Когда женщины приближаются к охотникам, те начинают петь новую песню, в которой просят жен, чтобы они, пожевав во рту ольховую кору, выплюнули ее им в лицо. Слова, этой песни, по свидетельству анонимного автора, таковы: "Laeibi ja tuolo suoso". Причина такой странной просьбы заключается в том, что всякий, входящий в палатку, где устраивается пир, должен быть встречен так своей женой. Дело в том, что ольховая кора, измельченная зубами, окрашивает слюну в красный цвет и лица мужчин, оплеванные ею, должны казаться вымазанными кровью медведя в знак того, что они храбро сражались с ним и обливаются кровью.

В шалаш охотники возвращаются не через главный вход, а через заднюю дверь. Каждый охотник, показавшийся в ней, тотчас окропляется своей супругой вышеуказанным образом. Анонимный автор говорит, что при этом женщины смотрят, сощурившись одним глазом через медное кольцо, как бы прицеливаясь, куда плюнуть. То же сообщает и Самуил Реен с той лишь разницей, что, по его словам, плюет в лицо мужу только одна женщина, а именно жена того человека, который был предводителем на охоте и шел впереди всех.

Таким образом, по-видимому, дело происходит следующим образом: устраиваются два шалаша, один для мужчин, другой для женщин. В первый втаскивается убитый медведь, с него сдирается там шкура, туша разрубается на части и варится в котле. После этого мужчины переходят во второй шалаш, где и устраивается торжественное пиршество. При этом они входят в женский шалаш через заднюю дверь и вот тут-то, при появлении их в узком отверстии заднего хода, женщины и плюют им в лицо, чтобы они казались обгаженными медвежьей кровью.

Когда, наконец, все соберутся в этом шалаше, женщины, в свою очередь, начинают петь, благодаря мужей за принесенную добычу. "После того, как мужчины войдут в шалаш, – продолжает анонимный автор, – женщины несколько пониженным голосом поют: "Kittulis poungo toukoris", т.е. "Благодарим вас, дорогие мужья, за чудную забаву, которую устроили вы, убив медведя".

После этого начинается пир, в котором участвуют все – и мужчины и женщины, и во время которого подаются самые лучшие блюда, но только не медвежатина. Когда этот пир оканчивается, мужчины уходят в свой шалаш и устраивают новый пир, в котором участвуют одни мужчины. После этого участникам охоты в течение трех ночей воспрещается спать со своими женами, а предводителю охоты даже в течение пяти ночей.

Шкура убитого медведя становится собственностью того, кто первым выследил медвежью берлогу и указал на нее остальным. В медвежьей туше лопари ценят мясо, жир и кровь. Все это варится в котле, а плавающий на поверхности жир снимается и собирается в деревянный сосуд, к которому прикреплено столько медных пластинок, сколько было убитых медведей во время данной охоты, мясо которых варится в котле.

Во время варки все участники охоты сидят вокруг очага в том же порядке, в каком они шествовали к берлоге

ге. Первое место занимает открывший местонахождение медвежьей берлоги и бывший предводителем на охоте, по правую руку от него сидит гадатель по барабану, затем охотник, нанесший удар, и т.д.; по левую руку – сперва тот, кто добывал дрова, за ним – таскавший воду, и т.д. Сваренное мясо делится между мужчинами и женщинами так, что и они получают свою долю мяса и жира. При этом строго соблюдается, чтобы женщинам не достались окорока медведя, т.к. они считают законной долей одних только мужчин. "Женщинам ничего не дается из задних, а лишь из передних частей", – отмечает Самуил Реен.

По окончании дележа двум лопарям поручается отнести предназначенную женщинам долю добычи в их женский шалаш. Эти два посланца, переноса медвежатину в женский шалаш, поют такую песню: "Oimai potti Sverigislandi, Polandi, Engelandi, Frankichis", т.е. "Вот идут лопари из Швеции, из Польши, из Англии, из Франции", притворяясь, будто из дальних стран они несут дары женщинам. Услышав эту песню приближающихся к шалашу людей, женщины выходят им навстречу и в свою очередь поют: "Oimai potti Sverigislandi, Polandi, Engelandi, Frankichis, kalka kaubsis laigit toutitiadnat", т.е. "О, люди, пришедшие из Швеции, из Польши, из Англии и из Франции, мы повяжем вокруг ваших ног тесемки красного цвета", что они и исполняют, когда мужчины входят в шатер.

Мясо между мужчинами распределяет гадатель по барабану (барабанщик). По крайней мере, это утверждает Самуил Реен: "Барабанщик является распорядителем пира и распределяет мясо и жир". Все это раздается не только перечисленным выше участникам охоты, а вообще всем принимающим участие в пире. "После того, как все мясо, кровь и жир сварятся, распорядитель пира распределяет их между всеми, пирующими так, чтобы каждому досталось вдоволь мяса и жира, – говорит Реен".

Когда все мясо и жир съедены, собирают кости, из которых не высасывают костяной мозг, подобно тому как делают это с костями всех прочих животных, а собирают их в одно место и зарывают в землю.

После этого владелец медвежьей шкуры вешает ее на шест и предлагает женщинам с закрытыми глазами стрелять в нее из лука, как в мишень.

Глаза женщины прикрывают одеждой и при этом поют: "Batt olmai kutti Sverigislandi, Poland!, Engelandi, Frankichis potti kalka wuocki", т.е., как переводит анонимный автор, теперь мы поражаем тебя стрелами того, кто пришел из Швеции, из Польши, из Англии, из Франции. Та женщина, которая первую попадает в цель, всячески восхваляется присутствующими, т.к., по их поверью, этим она предрекает своему мужу удачную охоту на медведя в ближайшее время и раньше, чем это удастся всем остальным. "Этой женщине вменяется в обязанность вышить на кусках ткани столько крестов, сколько было убито медведей на данной охоте и повесить эти вышивки на шею всем участвовавшим в ней охотникам. Это украшение они должны носить до вечера третьего дня", – так пишет С. Реен.

По словам вышеупомянутого анонимного автора, эту обязанность разделяют с ней и все остальные жены охотников, он говорит также, что эту повязку носят не три, а четыре дня. Он добавляет, что такое же украшение с вышитым на нем крестом надевают на шею и тому оленю, который вез медвежью тушу. Оно должно оста-

ваться на нем до тех пор, пока не разорвутся тесемки, которыми оно было привязано к шее животного.

Мне не удалось узнать точно, какой смысл заключается в этом обычае, но я думаю, что эти кресты должны играть роль амулета, предохраняющего охотников от несчастий, которые могут наслать на них лесные духи в отмщенье за убитого медведя. По очень распространенному у лопарей взгляду, лесные демоны считаются покровителями диких зверей, а медведь слывет у них царем всего животного царства.

По истечении трех дней, в течение которых им запрещено половое общение с женщинами, охотники возвращаются в женский шалаш. Войдя в него, они сперва несколько раз трогают цепь, на которой подвешены над очагом котлы, затем трижды скачут вокруг огня и выбегают через общий для мужчин и женщин вход в шалаш. Женщины при этом поют песню, в которой грозят посыпать их ноги пеплом, и одна из них, действительно берет с очага золу и посыпает ею ноги мужчинам.

Слова этой песни таковы: "Todno kalka kaino", т.е. "Прими горсть пепла на ноги свои". Самуил Реен говорит, что этот обычай имеет смысл окончательного очищения мужчин, ставших нечистыми вследствие убийства медведя, и служит внешним знаком того, что с этого момента мужчинам вновь разрешается спать со своими женами. Вот сколько различных обрядов, суеверий и предрассудков связано у лопарей с охотой на медведя.

Многое из рассказанного здесь соблюдается вообще при всякой охоте, как, например, запрещение женщинам прикасаться к добыче охотника и его охотничьему снаряжению, вход охотника в шатер обязательно через заднюю дверь, через которую точно так же вбрасывается внутрь шалаша и вся добыча не только после охоты, но и после рыбной ловли. Лопари не вносят ее, а швыряют через заднюю дверь в середину шалаша тоже вследствие суеверного желания, чтобы казалось, будто она свалилась прямо с неба по специальной милости какого-нибудь божества. Смысла многих обычаев уже не могут объяснить сами, т.к. слепо переняли их от отдаленных предков.

Самым славным подвигом для лопаря считается убить медведя. Поэтому, по словам Олафа Петерсона, они даже делают на шапке нашивки блестящими нитями по числу убитых данным охотником медведей, чтобы доблесть его сразу бросалась в глаза при встрече.

Поговорим теперь кратко о птицеловстве, которым также занимаются одни только мужчины. Виды этого промысла также чрезвычайно разнообразны. Летом птиц бьют из луков и пищалей, зимой чаще ловят силками.

В Лапландии водится несколько видов куропаток, известных у шведов под названием "Snioeriper", которых лопари ловят очень своеобразным способом. "Лопари ловят их силками, – подтверждает Самуил Реен, – приготовляя для этой цели из березовых прутьев нечто вроде выпуклой большой сети с несколькими входами, к которым, в свою очередь, прилажены силки, ловко сплетенные из нитей. Говорят, что эти птицы почти не летают, а больше бегают по земле и потому часто забредают в эту западню и попадают в силки". Насколько нам известно, этот способ не применяется нигде, кроме Лапландии.

Мы изложили в этой главе все главнейшие виды охоты лопарей, что касается остального, то оно вряд ли заслуживает внимания.